

Т. А. Фролова**Человек в кругу семьи: репрезентация конфликтных моделей поведения жителями Тобольской губернии на рубеже XIX – нач. XX вв. ***

Семейно-бытовые отношения, являясь неотъемлемой частью частной жизни каждого человека, всегда тесно сочетаются с историческими традициями и социокультурным контекстом в границах определенной территории, но при этом весьма сложно определить насколько та или иная практика взаимоотношений была распространенной, поскольку «источники дают историку примеры как преданных супругов и заботливых родителей, так и жестоких мужей, невыносимых жен и драчливых отцов и матерей, но какой из этих типов поведения был обычным, определить очень трудно»¹. Вместе с тем, представления о семье и браке, особенностях семейных традиций различных социальных групп попадают в поле зрения исследователя в большинстве случаев, как справедливо отмечает А. Каменский, «лишь при возникновении семейного конфликта, ставшего по тем или иным причинам предметом разбирательства властей»². Вмешательство властных структур и должностных лиц в частную жизнь поданных в российском обществе на рубеже XIX–XX вв. была не только явлением обыденным, но и включенным в традиционную систему ценностей. Сам факт обращения к властям в случае семейных противоречий, от бранных речей до рукоприкладства, говорит о том, «что не только власть считала себя обязанной вмешаться в личную жизнь подданных, но и сами поданные видели во власти средство защиты и механизм регулирования их отношений с ближайшими родственниками»³.

В социальной истории России период конца XIX – начала XX вв. характеризуется переходом от традиционной модели построения семейных отношений к современной – от всеобщей брачности к 85 % уровню⁴. В то же время в провинциальном обществе брачность была практически всеобщей, в силу традиционного восприятия семьи как неотъемлемой характеристики нормальной жизни человека⁵.

В организации семейного быта преобладал патриархальный уклад, брачно-семейное законодательство Российской империи на рубеже XIX–XX вв. сохраняло, как

Фролова Татьяна Анатольевна, к.и.н., доцент Омского государственного педагогического университета.

Эл. почта: tana2210@mail.ru

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект 08-01-00420а.

¹ Каменский А.Б. Повседневность русских городских обывателей: Исторические анекдоты из провинциальной жизни XVIII в. М., 2006. С. 35.

² Там же.

³ Там же. С. 290.

⁴ Мионов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 2003. Т. 2. С. 284.

⁵ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири (середина XIX – начала XX в.). Новосибирск, 2004. С. 208.

указывает Ю.М. Гончаров, множество архаичных черт, которые, по сути, утверждали «патриархально-авторитарные отношения в семье»¹. Мужчина как глава семейства обеспечивал финансовую сторону жизнедеятельности, семейная жизнь была закрыта для посторонних и обособлена от общественной жизни в целом.

Рассматривая проблему внутрисемейных отношений в сибирском социуме на рубеже XIX–XX вв. можно выделить несколько направлений репрезентации конфликтности. Первое направление репрезентации конфликтности, это противоречия, возникающие между супругами в рамках бракоразводного процесса и разбирательства данного дела по существу. Можно выделить, по крайней мере, два структурных элемента в модели поведения супругов: взаимные претензии, представления о «идеальных» супружеских отношениях.

Как отмечают исследователи повседневной жизни сибиряков, и, в частности Ю.М. Гончаров, «обращает на себя внимание большая редкость разводов»². В 1897 г. во всей огромной Российской империи было зарегистрировано всего 1132 развода, а одной из возможных причин практически полного их отсутствия было отрицательное отношение к последним православной церкви»³.

Самой распространенной причиной развода была «прелюбодейная жизнь» одного из супругов. При этом в подавляющем большинстве случаев инициаторами разводов были мужчины⁴.

Весьма показательным в данном случае является «Записка из дела по иску Титулярного Советника Александра Александровича Дунина-Горкавича о расторжении брака его с женою Марией Юрьевой, урожденной Савиной, по прелюбодейнии ея жизни»⁵, сохранившаяся в архивных фондах г. Тобольска.

Титулярный советник А.А. Дунин-Горкавич римско-католического вероисповедания, заключил брак с дочерью губернского секретаря девицей М.Ю. Савиной, православной по вероисповеданию за два года до прибытия в Тобольск в 1888 г., в Рязанской епархии, а в 1894 г. подал прошение о расторжении данного союза, хотя жена «вела себя несообразно своему положению еще в г. Тобольске в 1891 г.»⁶ Подобную терпимость, можно рассматривать как реализацию традиционного взгляда на семью, «как на обязательное условие нормальной жизни человека»⁷.

Причины, подтолкнувшие А.А. Дунина-Горкавича к официальному расторжению брака и началу бракоразводного «судоговорения», были весьма субъективны и практически бездоказательны, что подтвердилось в процессе опроса свидетелей по данному делу. Показания привлеченных свидетелей сходились в одном «случаев нарушения супружеской верности госпожи Горкавич не замечал и указать не может»⁸.

¹ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта дореволюционной Сибири... С. 207.

² Там же.

³ Там же. С. 208.

⁴ Он же. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX вв. // http://zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

⁵ Главное управление Тюменской области государственный архив в г. Тобольске (ГУТО ГА в г. Тобольске) Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 1а – 18.

⁶ Там же. Л. 4 об.

⁷ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта... С. 208.

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 12 – 12 об.

Одной из причин являлись слухи «от прислуги он узнал, что Силин Андрей ночевал с его женой на одной постели и под одним одеялом»¹, распространением которых в сибирских городах, по свидетельству современников «особенно занимается женский пол: ему известны даже и все связи любовные»².

Еще одна причина – это анонимное письмо, которых в Сургуте рассылалось множество в святки 1893 г. и по общему мнению автором их был учитель Измайлов³. В данном послании, оскорбленный автор, уличивший супругу А.А. Дунин-Горкавича в измене, также указывает на связь жены с сургутским мещанином А. Силиным. «Искушение» оскорбленного достоинства состояло по мнению неизвестного автора в том, чтобы «дать ей (жене) хорошую припарку и фонарь на глаз, чтобы удостовериться меня что вы (А.А. Дунин-Горкавич) за мое оскорбление её наказали»⁴.

Решение проблемных вопросов при помощи рукоприкладства во внутрисемейных отношениях «по-деревенски, т. е. битьем»⁵ по мнению А.А. Дунин-Горкавича «было бы низко», но в пылу семейной ссоры «один раз её действительно ударил, о чем сейчас жалеет, так как этим он унизил себя»⁶.

Поскольку инициатором развода был супруг, то в его «судоговорении» присутствуют наиболее полные характеристики приемлемого брака: «в супружестве нужно: взаимное уважение, доброжелательство и согласие, этих трёх факторов вполне достаточно для семейной спокойствия»⁷ и идеальные образы супругов: жена «должна быть помощницей и сотрудницей мужа», а к мужу нужно относиться почтительно, как к «главе семейства и человеку, доставляющему средства к существованию»⁸.

Такая позиция была достаточно распространенной в сибирском социуме, исследователи семейных отношений в Сибири отмечали тот факт, что «в целом, господствующими... были уважение, согласие и взаимопомощь», а «семейные взаимоотношения строились в обстановке доброжелательности и взаимной поддержки»⁹.

Весьма показательным является то обстоятельство, что романтические чувства оказывались за рамками семейной жизни «о любви между нами в смысле увлечения не может быть и речи»¹⁰. Супруги выступали как сотрудники, что придавало семье в определенном смысле корпоративный характер. Данная тенденция прослеживалась и в общеимперском контексте, как отмечает Б.Н. Миронов, «се-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 2.

² Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX вв. // http://zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

³ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 4.

⁴ Там же. Л. 46 – 46 об.

⁵ Там же. Л. 5.

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 8 об.

⁷ Там же. Л. 5 об.

⁸ Там же. Л. 7 об.

⁹ Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX вв. // http://zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

¹⁰ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 5 об.

мья являлась как бы продолжением, проекцией корпорации, и наоборот – корпорация была проекцией и отражением семейных отношений»¹.

Все взаимоотношения строились в некотором роде по умолчанию, на основе существующей в обществе традиции «что и как делать вообще и по хозяйству, и как вести себя и что не нужно обращать внимание на то, что я не каждый день делаю выговоры тебе за твои оплошности»².

Конструктивная критика и диалог как форма решения внутрисемейного конфликта получали в некоторых случаях весьма оригинальную интерпретацию, так А.А. Дунин-Горкавич, к примеру «жене своей он не всегда удобным находил говорить, так как при этом возможно раздражаться, по этому, иногда, живя в Сургуте писал ей письма»³. Конечно, данный способ урегулирования был возможен только в том случае если оба супруга были достаточно образованными людьми, а если учитывать удельный вес грамотных среди городских и сельских обывателей Тобольской губернии на рубеже XIX–XX вв., то можно говорить об исключительности данного способа. Вместе с тем, именно практика высказывания недовольства семейной жизнью через письма, позволяет выделить основные проблемы, препятствующие сохранению семьи.

Во-первых, речь идет о неисполнении супружеского долга: «ты заразившись ребяческими веяниями Тобольска, в течении более года преследовала навязанную тебе политику, систематически уклоняясь всеми средствами и под разным предлогом от обязанностей супруги»⁴.

Во-вторых, внимание акцентировано на способностях вести домашнее хозяйство. Главной обязанностью жены в семье была организация семейного быта, в то время как мужчина был главой семьи, хозяином всего движимого и недвижимого имущества, руководителем торговых операций⁵.

Высказывания А.А. Дунин-Горкавича, характеризующие жену как хозяйку в доме полны драматизма и неподдельного отчаяния: «чай заваривает прислуга, что и как готовиться на обед для Вас все равно, на то есть кухарка... вкусно приготовлено, сытно ли Вам до этого дела нет вообще, вы нисколько не заботитесь о качестве и питательности стола», «нет той заботы, чтобы осмотреть, ненужно ли где, что зачинить, пришить вешалку или пуговицу»⁶. И совсем вопиющий факт, нарушавший «патриархально-авторитарные отношения»⁷ в семье по определению Ю.М. Гончарова: «да где же, в какой семье так практикуется, чтобы муж один обедал без жены, а жена бы в это время расхаживала по гостию»⁸.

И, наконец, в качестве последнего аргумента супруг обращается к факту прелюбодеяния, «к созданному народной молвой Вашему А.С. Лямуру»⁹. Среди

¹ Миронов Б.Н. Социальная история России... С. 256.

² ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 5.

³ Там же.

⁴ Там же. Л. 5 об.

⁵ Гончаров Ю.М. Женщины фронта: сибирячки в региональном социуме середины XIX – начала XX вв.// http://zaimka.ru/08_2002/goncharov_siberians/

⁶ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 6.

⁷ Гончаров Ю.М. Очерки истории городского быта... С. 207.

⁸ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 6.

⁹ Там же.

них: «1. Какая-то компанейская игра в карты и настолько подозрительная, что дважды обратила внимание Клепикова на неблаговидность такой игры. 2. Исчезновение и катанье ночью и днем с А.С. как будто бы не нашлось другого лица, которое прокатило бы Вас. 3. Уход с Земцовских именин, ранее ухода всех совместно с А.С. 4. Нечаянные встречи у Тычинской с А.С.»¹.

Помимо факта супружеской измены с сургутским мещанином А. Силиным, в ходе разбирательства по делу был доказан еще один эпизод аморального поведения «сама Горкавич имела любовную связь с начальником Сургутской команды Зарембиным»².

Показательно, что сам А. Силин, в своих свидетельских показаниях заявил что, «никакой любовной связи с женою лесничего Дунин-Горкавича не имел и ныне не имеет. Горкавич проживает у него в качестве стряпки»³.

В свою очередь, обвиняемая М. Горкавич по показаниям свидетелей заявляла, что «Силина не перестанет любить, что сам Горкавич ей не муж»⁴, подтвердить или опровергнуть данное высказывание не представляется возможным. В качестве обстоятельства, весьма достоверно указывающего на отношение М.Ю. Дунина-Горкавич к институту брака в целом можно отметить следующее «первый ребенок родился у ней от мужа, второй ребенок рожден ею незаконно, от кого именно она сказать не может, но не от Силина, в грех этот впала потому, что муж обращался с ней очень плохо»⁵.

Помимо этого в ответ на претензии со стороны мужа М. Горкавич, в свою очередь, «оговорила своего мужа в близких отношениях с Анной Евангелловой Вергуновой, с которой он постоянно находился вместе»⁶, Анна Вергунова пояснила, что «любовной связи не имела и ныне не имеет. Дети... прижиты не с Горкавичем, а с кем объяснить не желает»⁷.

Подводя итог, можно сказать, что «прелюбодейание» рассматривалось не только как нарушение социально допустимого поведения, но и как нарушение заповедей христианской морали, и в данном случае выступало в качестве катализатора распада семьи.

Таким образом, пользуясь выражением одного из свидетелей «супруги между собой жили дурно», традиционная модель внутрисемейных отношений не работала в новых социальных условиях, и, по сути, М. Дунина-Горкавич демонстрировала поведенческую практику, присущую мужской части сибирского, и всего общеимперского социума.

Второе направление, это противоречия между представителями разных поколений, основания данных конфликтов лежали не только и не столько в плоскости экономических интересов, но и зачастую являлись проекцией общей поведенческой модели в целом.

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 156. Оп. 11. Д. 1670. Л. 6 об.

² Там же. Л. 13.

³ Там же. Л. 15 об.

⁴ Там же. Л. 13 об.

⁵ Там же. Л. 3об. – 4.

⁶ Там же. Л. 10 об.

⁷ Там же. Л. 13.

В своих обращениях на имя Тобольского губернатора родители пытались привлечь своих «нерадивых» отпрысков к оказанию финансовой помощи, говорили о «о неоказании услуг помощи к существованию», но отказывались в качестве варианта проживать совместно с детьми. В объяснении по одной из таких жалоб волостной писарь К.Г. Грязнов обосновывает свою позицию, тем что, будучи старшим из 8 детей он неоднократно оказывал материальную поддержку не только родителям, но и продолжает заботиться о получении образования младшими братьями. «Высылая деньги отцу помимо содержания брата я не в силах, следовательно могу лишь одно, или учить брата или же высылать деньги отцу»¹.

Требования финансовой поддержки со стороны отца действительно не имели под собой реальной экономической базы, поскольку в его распоряжении имелось имущество, приносящее стабильный доход в денежной форме, а именно, «постояльный двор, доходности от которого в зимнее время не менее 3000 руб.»², и, следовательно, говорить о бедности заявителя не приходится. Основания подобных требований лежали, по мнению сына, совершенно в иной плоскости «все время как я сам помню, не живет мирно, а все время с кем-то тягается, а в настоящее время, тем более что он приходит к совершенству имея 80 лет от роду»³.

В данной конфликтной ситуации, можно выделить еще один фактор, послуживший его основанием, а именно внутреннее неприятие людьми старшего поколения новых ценностей, своего рода конфликт традиционной модели поведения и поведения в условиях модернизации рубежа веков. Патриархальная традиция требовала уважительного отношения к «отцам», забота отпрысков, а также их доходы должны были целиком и полностью принадлежать старшим. В такой ситуации внимательное отношение старших детей к получению образования младшими, финансовая поддержка во время обучения рассматривались как пренебрежение святым долгом по содержанию родителей.

Внутрисемейные ссоры на экономической почве далеко не всегда были мирными. Так, крестьяне Тимофеевы, проживавшие в одной из деревень Тобольской губернии обратились к местному исправнику с заявлением, что их сноха «обращалась с ними дурно, несколько раз покушалась их убить и своими угрозами держит в постоянном страхе»⁴. Показания «потерпевших» носят весьма эмоциональный характер, обвиняемая родственница «загребла ... за волосы и давай бить, и побила и села на скамейку отдыхать, а я лежала на полу убитая не могла подняться и когда отдохнула, берет черепок о кринки и давай меня этим черепком бить»⁵. Реальная основа конфликта заключалась в том, что обвинение снохи в адрес матери мужа состояло в том, что «на твоей избе мои куры кладутся, а ты яйца собираешь»⁶.

Как отмечает В.А. Зверев конфликты подобного рода в крестьянских семьях зачастую происходили между женщинами, что являлось «отражением наи-

¹ ГУТО ГА в г. Тобольске. Ф. 152. Оп. 21. Д. 269. Л. 51.

² Там же. Л. 52.

³ Там же. Л. 53.

⁴ Там же. Л. 158.

⁵ Там же. Л. 160.

⁶ Там же.

более приниженного бесправного положения одних (невестки, снохи) и произвольной власти в сфере домашнего хозяйства других (хозяйки, «большухи») ¹.

Эмоциональность и красочность образов разрушались в показаниях свидетелей, которые никогда «не видали, чтобы сноха Ирина Степанова их оскорбила и никогда не слыхивали, чтобы она угрожала их жизни» ². Итогом разбирательства стало решение исправника о том, что у Тимофеевых «нарушились умственные способности» ³.

Социально-экономические противоречия, лежащие в основе внутрисемейных конфликтов, были лишь внешним стимулом для возникновения разбирательства, на самом деле корни проблем следует искать в ментальных основаниях, определявших стратегии поведения жителей Тобольской губернии в повседневной, частной жизни на рубеже XIX–XX вв.

Таким образом, представленные направления не являются единственно возможными вариантами репрезентации конфликтных моделей поведения. Многие обстоятельства и детали взаимоотношений между супругами, родителями и детьми, а также между другими категориями родственников остаются за пределами официально задокументированного текста, но мозаичный характер информации приближает нас к пониманию ментальных оснований и социальных условий, определяющих модель внутрисемейных отношений.

¹ Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 207.

² ГУТО ГА в г. Тобольске Ф. 152. Оп. 21. Д. 269. Л. 159.

³ Там же. Л. 162 об.